

Гонсалес, Манфред, Пуаккар заслужили звание Троих Благочестивых — они добиваются восстановления закона и справедливости. И конечно, у Троих Благочестивых врагов не меньше, чем друзей: в свое время троица была преступным сообществом, а за их головы предлагалось вознаграждение. Однако теперь им нет равных в сыске самых изощренных преступников... («Вновь втроем»)

Леди Сара, следуя совету своего доктора сменить климат, переезжает в новый дом, окна которого выходят на загадочный Дом-на-продажу. Очень скоро Сара начинает опасаться этого Дома: в одном из окон пустующего здания есть глаз, который следит за ней... Сара вынуждена прибегнуть к собственному расследованию. («Дом на продажу»)

— Я была в таком ужасе, что не могла пошевелиться. Затем услышала чей-то крик и, оглянувшись, увидела в дверях очень красиво одетую леди. «Что вы с ним сделали? — закричала она. — Вы страшная женщина, вы убили его!» Но я была так напугана, что не могла говорить, а потом, должно быть, просто ударилась в панику, потому что протиснулась мимо нее и выбежала на улицу...

www.bookclub.ua

ISBN 978-617-12-4107-7

9 786171 241077

ПРЕСТУПНИКИ-СЫЩИКИ

ЭДГАР УОЛЛЕС

ВЕЛИКИЕ СЫЩИКИ И ВЕЛИКИЕ МОШЕННИКИ

ЭДГАР
УОЛЛЕС

ПРЕСТУПНИКИ-
СЫЩИКИ

ВЕЛИКИЕ СЫЩИКИ
И ВЕЛИКИЕ МОШЕННИКИ

ЭДГАР УОЛЛЕС

ПРЕСТУПНИКИ- СЫЩИКИ

СБОРНИК

ХАРЬКОВ КЛУБ
2018 СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

УДК 821.111(73)
ББК 84(7США)
У63

Никакая часть данного издания не может быть скопирована или воспроизведена в любой форме без письменного разрешения издательства

Перевод с английского *Анатолия Михайлова*
Поэма «Три вечера в доме» в переводе
Константина Беляева

Предисловие *А. Климова*

В оформлении обложки использована фотография «Чипсайд, Лондон, Великобритания» (фотохром, 1890—1900)

Дизайнер обложки *Сергей Ткачев*

ISBN 978-617-12-2533-6 (серия)
ISBN 978-617-12-4107-7

- © Shutterstock.com / CreativeHQ, Sibrikov Valery, Stocksnapper, LiliGraphie, обложка, 2017
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2018
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», перевод и художественное оформление, 2017

Соло Эдгара и великолепная четверка

Произведения, вошедшие в этот том, — своеобразная перекличка двух эпох. Они принадлежат перу бесспорных знаменитостей, каждое из них пользовалось шумным успехом, а разделяет их только время: «Дом на продажу» написан в 1858 году, а рассказы цикла «Вновь втроем» были созданы в начале XX столетия. Объединяет же их несомненный драматизм, атмосфера тайны, жутковатые неожиданности и внезапные откровения — словом, все, что способно вызвать бурный прилив эмоций, чувство тревоги и возбуждение. Сегодня мы называем книги, щекочущие нервы читателя, триллерами, но в те времена термин был не в ходу, и авторы, создававшие такую литературу, порой свято верили, что пишут нечто совсем иное.

Итак — Эдгар Уоллес (1875—1932), английский писатель, автор представленного здесь цикла новелл «Вновь втроем». Мастер на все руки — драматург, прозаик, сценарист, журналист. Его недаром считают основоположником литературного триллера — на его счету полторы сотни романов, 24 пьесы, сотни рассказов, а по его произведениям снято целых 170 фильмов. Уоллес, родившийся в Гринвиче в нищей актерской семье и никогда не видевший своего отца, бросил школу в 12 лет, в 18 завербовался в армию и принял участие в англо-бурской войне. В Южной Африке он начал писать стихи, а после увольнения в запас работал корреспондентом агентства «Reuters» и британской газеты «Daily Mail». Первые романы Уоллес публиковал за свой счет, они не окупали даже затрат на бумагу, но в середине 20-х годов прошлого века он стал самым популярным британским писателем — на каждой четвертой книге, издаваемой в Англии, стояло его имя.

Этим успехом писатель был обязан своей фантастической работоспособности: он даже не писал, а наговаривал свои новеллы и романы на диктофон, затем секретарь расшифровывал и перепечатывал сырой материал, после чего Уоллес правил текст. При этом он не оставлял журналистскую работу. Сюжеты его триллеров благополучно переключивались в кино — тогда еще немое, а имена многих героев становились нарицательными. Так случилось и с троицей, с которой предстоит познакомиться нашим читателям, — Леоном Гонсалесом, Джорджем Манфредом и Раймондом Пуаккаром, основателями привилегированного детективного агентства, а в прошлом — членами преступного сообщества. Остается только добавить, что именно Уоллес был одним из авторов замысла цикла фильмов о Кинг-Конге — исполинском обезьяноподобном монстре, который впоследствии стал поистине культовым персонажем. Уоллес умер в самый разгар работы над сценарием первого из этих фильмов, буквально за письменным столом.

Ну а что касается «Дома на продажу» — то эта повесть действительно была задумана и написана как «рождественская история». В середине XIX века всякий уважающий себя британский журнал считал своим долгом выпустить к Рождеству дополнительный номер с произведением в этом специфическом жанре. Чарльз Диккенс (1812—1870), выдающийся английский романист, как раз в то время редактировал журнал «Домашнее чтение» («Household Words»), близилось Рождество, и проблема «рождественской истории» стояла крайне остро. Задумка принадлежала самому Диккенсу. Некая пожилая дама снимает небольшой дом в пригороде Лондона, окна которого выходят на угрюмое здание напротив, выставленное на продажу. Но в один прекрасный день дама замечает, что из окна давно пустующего здания за ней кто-то пристально наблюдает. Тут-то и разворачивается цепь историй, одна другой пронзительнее и ужаснее.

Времени на воплощение замысла не хватало, и Диккенс пригласил в качестве соавтора Уилки Коллинза (1824—1889) — молодого прозаика, впоследствии автора 27 романов и 15 пьес. Но и этого оказалось недостаточно. Тогда к работе подключились замечательная романист-

ка Элизабет Гаскелл (1810—1865) и поэтесса Аделаида Энн Проктер (1825—1864). У них уже был опыт сотрудничества — все они публиковались в «Домашнем чтении» и участвовали в рождественских номерах прошлых лет.

Чарльз Диккенс и Уилки Коллинз совместно написали первую и последнюю главы, а затем каждый из четырех авторов написал одну из промежуточных глав: Э. Гаскелл — «Брак в Манчестере», Ч. Диккенс — «Как войти в общество», А. Проктер — «Три вечера в доме», а У. Коллинз — «Отчет Троттла».

О том, что у них получилось в итоге, — судить читателю.

А. Климов

Эдгар Уоллес

ВНОВЬ ВТРОЕМ

Все герои настоящей книги вымышлены автором и не имеют никакого отношения к реально существующим людям.

1. Ребус

Однажды «Мегафон» в очередном припадке пессимизма и удивления, констатируя, но не осуждая странность наступивших времен, выразилась так: «...Даже “Четверо Благочестивых”¹ превратились в уважаемую организацию. Каких-нибудь пятнадцать лет назад мы именовали их не иначе, как “преступным сообществом”; за их головы предлагалось вознаграждение... а сегодня, свернув на Керзон-стрит, любой желающий может полюбоваться серебряным треугольником на внушительной двери, обозначающим их штаб-квартиру... Субъекты, которых разыскивали и гневно обличали, стали членами привилегированного детективного агентства... Остается лишь надеяться, что их в некотором роде радикальные методы прежних времен претерпели разительные изменения к лучшему».

Иногда бывает опасно следить за тем, кто и сам любит понаблюдать.

— Чего же боится мистер Лезерсон? — осведомился Манфред, разбивая яйцо во время завтрака.

¹ Далее в тексте упоминается «Трое Благочестивых». В одном из рассказов автор говорит, что Четвертый Благочестивый, которого звали Меррелл, погиб в Бордо. (Здесь и далее примеч. ред., если не указано иное.)

В глаза бросался легкий загар на его приятном чисто выбритом лице, поскольку он совсем недавно возвратился из Швейцарии — края солнца и снегов.

Напротив, уткнувшись в «Таймс», сидел Леон Гонсалес; на конце стола расположился Раймонд Пуаккар, тяжелое лицо которого с крупными чертами было мрачным. Я не стану касаться его наклонностей и страсти к выращиванию овощей, поскольку они уже известны нам из других бытописаний.

Пуаккар, подняв глаза на Гонсалеса, спросил:

— Это тот самый джентльмен, который оплачивал слежку за нашим домом весь прошлый месяц?

По губам Леона скользнула улыбка. Аккуратно сложив газету, он сообщил:

— Тот самый... У меня назначена встреча с ним сегодня утром. А пока что ищейки отозваны. Как выяснилось, их наняло детективное агентство Оттиса.

— Если он следит за нами, значит, совесть у него нечиста, — заявил Пуаккар, медленно кивая в такт словам. — Было бы интересно услышать объяснение из первых уст.

Мистер Льюис Лезерсон проживал на улице Лоуэр-Беркли-стрит в очень большом и дорогом особняке. Лакей, отворивший дверь Леону, был выряжен в ливрею, более подходящую для исторических фильмов, нежели для деловой Лоуэр-Беркли-стрит. Темно-красная с золотом, да еще и бриджи до колен... Леон уставился на него с благоговением во взгляде.

— Мистер Лезерсон примет вас в библиотеке, — сообщил лакей.

Гонсалес заметил, что тот преисполнен чувства собственной важности.

Дом и впрямь выглядел роскошным, с дорогой мебелью и пышным внутренним убранством. Поднимаясь по широким ступеням, Леон увидел, как на лестничной площадке наверху промелькнула хорошенькая женщина. Метнув в его сторону исполненный

презрения взгляд, она исчезла, оставив за собой слабый шлейф каких-то экзотических духов.

Комнату, куда его препроводили, можно было по ошибке принять за опочивальню, учитывая количество всевозможных безделушек и утонченность отделки.

Мистер Лезерсон поднялся навстречу посетителю из-за письменного стола в стиле ампира и протянул белую ладонь. Он был худ, лысоват, а в его морщинистом лице проглядывало нечто от ученого-схоласта.

— Мистер Гонсалес? — голос у него оказался слабым и не слишком приятным. — Не соблаговолите ли присесть? Я получил ваш запрос — очевидно, произошло какое-то недоразумение...

Он сразу же опустил на прежнее место. Не исключено, что столь холодный прием был рассчитан на то, чтобы скрыть явное замешательство, но, впрочем, ему это не удалось.

— Разумеется, я знаю вас... Но ведь нелепо предполагать, будто я мог отправить своих людей следить за вашим домом. Зачем мне это нужно?

Гонсалес не сводил с него глаз.

— С целью выяснить это я и пришел сюда, — отозвался он. — Думаю, будет излишним сообщить вам: мы не сомневаемся в том, что вы следите за нами. Нам известно агентство, которое вы наняли; мы знаем, сколько вы им заплатили и какие указания дали. Единственный вопрос заключается в следующем: для чего вам это понадобилось?

Мистер Лезерсон неловко поерзал в кресле и улыбнулся.

— Вот как... Полагаю, было бы неумно отрицать, что я и в самом деле нанял детективов. Откровенно говоря, «Четверо Благочестивых» — довольно серьезная организация... и... э-э... Словом, я богатый человек...

Он явно не знал, что сказать в свое оправдание.

Разговор вышел скомканным и закончился вежливыми заверениями в совершеннейшем почтении с обеих сторон. Леон Гонсалес вернулся на Керзон-стрит в большой задумчивости.

«Он явно боится, что некто прибегнет к нашей консультации, поэтому нанял детективов, чтобы те отпугнули или перехватили этого человека. Вот только кого именно?»

К исходу следующего дня Леон получил ответ на свой вопрос.

Это был серый апрельский вечер, сырой и промозглый. Женщина, которая медленно шла по Керзон-стрит, внимательно всматриваясь в номера с табличками на дверях, вызвала подозрение у полицейского, стоявшего на углу Клариджа. На вид ей было около тридцати, довольно стройная, в потрепанном промокшем пальто. У нее было увядшее лицо с ввалившимися щеками и заострившимися чертами. «В молодости наверняка слыла красоткой, — подумал Леон Гонсалес, рассеянно глядя на нее из-за тюлевой занавески на окне. — Работающая женщина, у которой одна тревога — свести концы с концами».

Он имел достаточно времени, чтобы хорошенько рассмотреть ее, поскольку она долго стояла на краю тротуара, беспомощно озираясь по сторонам.

— Обратите внимание на отсутствие каких бы то ни было украшений, кои могли бы привлечь к ней внимание, — а ведь в этот час даже последние нищенки надевают шарфик или пару перчаток.

Манфред, поднявшись из-за стола, за которым вкушал скудный ужин, присоединился к внимательному наблюдателю.

— Провинциалка, полагаю, — задумчиво протянул Леон. — Явно впервые оказалась в Вест-Энде... Она идет сюда!

Не успел он договорить, как женщина повернулась, окинула быстрым взглядом дверь, и они услышали, как зазвенел дверной звонок.

— Я ошибся — она вовсе не заплутала; она просто набиралась мужества, чтобы позвонить... и если она не та, кого так боится Лезерсон, то я — принц Датский!

Из коридора до него донеслась тяжелая поступь Пуаккара, искусно изображавшего дворецкого. Вскоре показался и он сам, закрыв за собой дверь.

— Вы будете удивлены, — сообщил он в своей обычной угрюмой манере. Таков уж Пуаккар — он всегда изрекал загадочные вещи мрачным тоном.

— Насчет леди? Я решительно отказываюсь удивляться. — Леон был неумолим. — Она что-то потеряла — мужа, часы, что угодно. И у нее такой потерянный вид — ее буквально окружает атмосфера беспомощности. Все симптомы налицо.

— Попросите ее войти, — распорядился Манфред, и Пуаккар удалился.

Мгновением позже в комнату вошла Алма Стамфорд.

Так ее звали. Она вдова и приехала из Эджвера... Задолго до того, как барышня покончила с прелиминариями¹, обещанный Пуаккаром сюрприз таки состоялся, поскольку мягкий и негромкий голос этой дамы, вырядившейся в обноски, которые постыдилась бы надеть даже поденщица, выдавал в ней образованную особу. Лексикон ее был весьма обширен, и упоминала она о вещах, которые могли быть знакомы исключительно тому, кто жил в полном достатке.

Ее умершего супруга — насколько они поняли из рассказа — при жизни никак нельзя было назвать лучшим из мужей. Человек чрезвычайно состоятельный даже в обычном понимании этого слова, владелец поместий в Йоркшире и Сомерсете, бесстрашный любитель охотничьих забав со сворой гончих, он и смерть свою встретил на охоте.

— Мой супруг получил необычное воспитание, — рассказывала она. — Его родители умерли, когда он был еще совсем маленьким, и потому воспитывал его дядя. Ужасный старик, запойный пьяница, грубиян до мозга костей, абсолютно нетерпимый к постороннему вмешательству. Марк практически никого не видел до тех пор, пока в последний год жизни старик не выписал откуда-то мистера Лезерсона, молодого человека немногим старше самого Марка, в качестве учителя для него — поскольку образование вверенного ему племянника было крайне ограниченным. Моему супру-

¹ Прелиминарии — *здесь*: предисловие.

гу исполнился двадцать один год, когда умер его дядя, но того джентльмена Марк оставил при себе, дабы он исполнял обязанности компаньона и секретаря.

— Мистер Льюис Лезерсон, — быстро проговорил Леон, и женщина ахнула.

— Не понимаю, откуда вы узнали, однако именно так его и зовут. Несмотря на то, что мы были не особенно счастливы, — продолжала она, — смерть мужа стала для меня ужасным потрясением. Однако его завещание шокировало меня куда сильнее. В нем он отписывал половину своего состояния Лезерсону, а другую — мне, во владение которой я должна была вступить по истечении пяти лет с момента его кончины, если будут соблюдены все прописанные в завещании условия. Мне не следовало выходить замуж в течение этого срока, я должна была проживать в доме в Харлоу и не покидать округа. Мистер же Лезерсон получал исключительные полномочия в качестве единственного распорядителя моего имущества. И до сегодняшнего дня я действительно жила в Харлоу.

— Мистер Лезерсон, конечно, женат? — поинтересовался Леон, не сводя взгляда своих горящих глаз с дамы.

— Да... Вы знакомы с ним?

Леон покачал головой.

— Я лишь догадываюсь, что он женат и очень любит свою жену. Женщина была явно озадачена.

— В таком случае вам, должно быть, что-то известно. Да, он женился перед самой гибелью Марка. На очень красивой венгерке — он сам наполовину венгр и, я полагаю, обожает ее. По слухам, она отличается крайней экстравагантностью — но сама я видела ее только один раз.

— И что же произошло в Харлоу? — Теперь вопрос задал Пуаккар, который до этого момента хранил молчание и лишь внимательно наблюдал за происходящим.

У женщины задрожали губы.

— Это был сущий кошмар, — проговорила она дрогнувшим голосом. — У нас есть чудесный маленький домик — причем

достаточно далеко от Харлоу, да еще в стороне от главной дороги. Два года я провела там практически на положении узницы. Мои письма вскрывались, каждую ночь в моей собственной спальне меня запирали на ключ одна из двух женщин, которых мистер Лезерсон приставил следить за мной, а территорию усадьбы круглые сутки патрулировали какие-то мужчины.

— Под тем предлогом, что у вас не все в порядке с головой? — предположил Манфред.

Женщина ошеломленно уставилась на него.

— То есть вы так не думаете? — быстро спросила она и, дождавшись, когда он покачает головой, выпалила: — Слава богу! Да, именно эту историю они и рассказывали всем и каждому. Мне не разрешалось читать газеты, хотя книги я получала все, какие только хотела. Но однажды мне попался на глаза обрывок газетной страницы с описанием банковского мошенничества, которое вы, джентльмены, благополучно раскрыли, и кратким изложением вашего прошлого. Я берегла его как зеницу ока, потому что в нем был указан ваш адрес. Побег представлялся невозможным — денег я не имела, да и выбраться оттуда незамеченной не могла. Но там была служанка, она два раза в неделю приходила делать грязную работу. По-моему, жила в деревне. Я смогла пробудить в ней сочувствие, и вчера она принесла мне вот эту одежду. Сегодня рано утром я переоделась, вылезла в окно своей спальни и ускользнула от охранника. А теперь перехожу к своей главной тайне.

Сунув руку в карман промокшего пальто, женщина достала оттуда небольшой сверток и развернула его.

— После несчастного случая моего супруга отвезли в деревенскую больницу; он скончался рано утром на следующий день. Должно быть, пришел в себя без ведома сиделок, поскольку верхняя часть простыни пестрела небольшими рисунками. Он нарисовал их химическим карандашом, прикрепленным к его температурному листку, висевшему у него над головой, — скорее всего, дотянулся до него и оторвал.

Она расправила квадратный лоскут холстины на столе.

На нем были изображены три геометрические фигуры неправильной формы с автомобилем и мотоциклеткой под ними; трехэтажное здание, а справа от него — двадцать маленьких кружочков, сплошная линия, схематическое изображение груши с длинным хвостиком и цветок с четырьмя короткими полосками над ним.

— Бедный Марк очень любил рисовать фигурки, которые столь неумело изображают дети или праздные бездельники, не имеющие представления о том, что такое изобразительное искусство.

— Откуда он у вас? — осведомился Леон.

— Сестра-хозяйка отрезала его и передала мне.

Манфред нахмурился.

— Нечто подобное человек может набросать в бреду, — обронил он.

— Напротив, — холодно возразил Леон. — Для меня здесь все ясно как день. Где вы зарегистрировали свой брак?

— В Вестминстерском бюро записи актов гражданского состояния.

Леон кивнул.

— Постарайтесь вспомнить: не случилось ли чего-нибудь примечательного во время церемонии? Например, не было ли у вашего супруга приватного разговора с чиновником-регистратором?

Большие голубые глаза женщины неожиданно округлились.

— Да... Мистер Лезерсон и мой супруг беседовали с ним в его кабинете.

Леон усмехнулся, но тут же вновь стал серьезным.

— Еще один вопрос. Кто составлял завещание? Стряпчий?

Она покачала головой.

— Мой супруг. Оно было написано его собственной рукой от начала и до конца. У него красивый почерк, который ни с чьим не спутаешь.

— Содержались ли иные условия в завещании вашего супруга?

Она заколебалась, и наблюдатели заметили, как лицо женщины залила краска стыда.

— Да... одно из них было настолько оскорбительным, что я не стала упоминать о нем. Дело в том, что я ни при каких обстоятельствах не должна была предпринимать попыток официально подтвердить факт своего замужества за Марком, — таково было главное условие. Это представлялось мне необъяснимым — не могу поверить, будто он был женат ранее, но его прежняя жизнь оказалась настолько необычной, что тогда могло произойти все что угодно.

На губах Леона заиграла довольная улыбка. В такие минуты он походил на ребенка, заполучившего новую восхитительную игрушку.

— Я могу облегчить вашу душу, — к вящему изумлению женщины заявил Гонсалес. — Ваш супруг прежде никогда не был женат!

Пуаккар между тем внимательно рассматривал рисунки.

— Вы можете представить планы помещений своего мужа? — спросил он, и Леон вновь усмехнулся.

— Этот малый уже все понял, Джордж! — воскликнул он. — Пуаккар, старина, вы великолепны! — Он быстро обернулся к миссис Стамфорд. — Мадам, вам нужен отдых, перемена одежды и... защита. Первое и последнее вы получите в этом доме, если согласитесь побыть нашей гостьей. Второе же я предоставляю вам через час — вкупе с временной камеристкой.

Она озадаченно воззрилась на него. Но пять минут спустя смущенный Пуаккар провожал ее в отведенную ей комнату, а горничная одного из знакомых Леона уже спешила на Керзон-стрит с раздувшимся саквояжем — Леон питал слабость к горничным и знал, по крайней мере, сотню из них по именам.

Несмотря на поздний час, он сделал несколько звонков — один в такую даль, как Строббери-Хилл, где проживал некий помощник регистратора браков.

В одиннадцать часов того же вечера он позвонил в дверь симпатичного особняка на Лоуэр-Беркли-стрит. Его впустил очередной лакей.

— Вы мистер Гонсалес? Мистер Лезерсон еще не вернулся из театра, но он позвонил и попросил вас подождать в библиотеке.

— Весьма признателен, — с благодарностью откликнулся Леон, хотя благодарить лакея было не за что, поскольку телефонировал он сам.

Его с поклоном препроводили в богато украшенное святилище и оставили одного.

Не успел лакей выйти за дверь, как Леон оказался у письменного стола в стиле ампир и принялся быстро перебирать бумаги. Но то, что ему было нужно, обнаружилось на блоке промокательной бумаги и лежало перевернутое.

Письмо, адресованное виноторговцу, в котором содержалась жалоба на недостачу в партии шампанского. Он пробежал послание глазами — оно было недописано, — свернул его четверо и сунул в карман.

Столь же быстро и тщательно Леон обыскал выдвижные ящики стола: два из них были заперты, но средний оказался открытым. То, что он там обнаружил, заинтересовало его и заставило кое-что предпринять. Но едва Гонсалес успел закончить начатое, как снаружи раздался шум мотора, и, выглянув из-за шторы, гость увидел, что у дома остановилось авто, из которого вышли мужчина с женщиной.

Несмотря на темноту, он сразу же узнал ни о чем не подозревающего хозяина дома и успел с самым невинным видом устроиться на краешке стула, когда тот с побелевшим от ярости лицом ворвался в комнату.

— Что, черт возьми, все это значит? — пожелал узнать тот, с грохотом захлопывая за собой дверь. — Клянусь богом, я велю арестовать вас за то, что выдаете себя за меня...

— Вы догадались, кто на самом деле звонил. Это делает честь вашему уму, — улыбнулся Леон Гонсалес.

Его собеседник сделал глотательное движение.

— Зачем вы здесь?.. Полагаю, это имеет какое-то отношение к бедной женщине, которая сегодня сбежала из лечебницы для душевнобольных... Я узнал об этом перед тем, как отправиться...

— Так мы и подумали, судя по тому, что ваши шпики нынче вечером вновь оказались на дежурстве, — сказал Леон, — но они немного опоздали.

Его визави побледнел.

— Вы видели ее? — запинаясь, спросил он. — И она, вероятно, поведала вам какую-то небылицу относительно меня?

Леон продемонстрировал ему лоскут выцветшего постельного белья, вынув его из кармана.

— Вам знакома сия вещица? — осведомился он. — После кончины Марка Стамфорда на его простыне было обнаружено вот это. А вам известно, что эти маленькие рисунки могли быть сделаны его рукой?

Льюис Лезерсон ничего не ответил.

— Хотите, я скажу вам, что это такое? Это и есть его последняя воля.

— Вы лжете! — прохрипел Лезерсон.

— Его последняя воля, — мрачно кивнул Леон. — Вот эти три косых ромба — грубый набросок трех его поместий. А вот этот домик довольно удачно обозначает здание банка «Южный», а вот эти маленькие кружочки — деньги.

Лезерсон не сводил глаз с рисунка.

— Ни один суд не примет эти глупости в качестве доказательств, — с трудом выдавил он.

Леон оскалил зубы в безжалостной улыбке.

— Не примет и «awl», что значит «all», и вот эти четыре черточки, означающие «fog», и имя «Margaret», и даже последнее «Mark»¹? — поинтересовался он.

Лезерсон с усилием взял себя в руки.

— Дорогой мой, сама мысль об этом смехотворна — он собственноручно написал завещание...

Леон, встав, с грозным видом прервал Лезерсона.

¹ Имеется в виду, что писал неграмотный человек: awl = all (англ.) — все, fog (англ.) — для. (Примеч. пер.)

— Он не умел писать! — воскликнул Гонсалес, и Лезерсон побледнел. — Он мог нарисовать вот эти символы, но не сумел бы начертать собственное имя. Если бы миссис Стамфорд увидела свидетельство о браке, то обратила бы внимание, что вместо подписи там стоит крестик, — и поэтому вы вставили в завещание чудесный пассаж насчет того, что она не должна пытаться официально подтвердить факт своего замужества... Именно потому и держали ее пленницей в Харлоу, дабы она не вздумала предпринять независимое расследование.

Внезапно Лезерсон метнулся к столу и выдвинул ящик. В мгновение ока в его руке оказался автоматический пистолет. Бросившись к двери, он распахнул ее и закричал:

— Убивают!

Резко обернувшись к застывшему Гонсалесу, прицелился и спустил курок. Раздался щелчок... и ничего более.

— Я вынул патроны из обоймы, — хладнокровно сообщил ему Леон, — и та маленькая трагедия, которую вы столь искусно разыграли, превратилась в фарс. Мне самому позвонить в полицию или это сделаете вы?

Полицейские из Скотланд-Ярда арестовали Лезерсона в тот момент, когда он садился на пароход в Дувре.

— С утверждением завещания могут возникнуть некоторые сложности, — заявил Манфред, читая отчет об этом деле в вечерних газетах, — но присяжным не потребуется много времени, чтобы определить нашего друга Льюиса туда, где ему самое место...

Немного погодя, когда они стали расспрашивать Леона — Пуаккар пожелал набросать психологический портрет преступника, — Гонсалес снизошел до объяснения.

— Из этого ребуса мне стало понятно, что Марк не умел писать, а тот факт, что в завещании не содержалось указаний для миссис Стамфорд выйти замуж за Лезерсона, и подсказал мне — последний женат и любит свою жену. Остальное было просто до неприличия.

2. Счастливые Путники

Из троих мужчин, штаб-квартира которых располагалась на Керзон-стрит, Джордж Манфред был самым привлекательным. Внешность и манеры выдавали в нем настоящего аристократа. Он всегда выделялся даже в толпе, причем не только благодаря своему росту; было в нем нечто неуловимое, некое свидетельство благородного происхождения.

— Джордж похож на чистопородного скакуна, случайно оказавшегося в табуне шетландских пони!¹ — восторженно заметил однажды Леон Гонсалес, что было недалеко от истины.

Между тем именно Леон пользовался популярностью у обычных женщин, да и у необычных тоже. Роковой ошибкой было отправлять его расследовать дела, в которых оказывались замешаны дамы; не только потому, что он отличался изрядной склонностью к флирту, но и оттого, что можно было питать полную уверенность: он вернется, оставив позади очередную воздыхательницу, которая станет бомбардировать его письмами длиной не меньше чем в десять страниц каждое.

Впрочем, из-за этого он чувствовал себя несчастным.

— Я ей в отцы гожусь, — жаловался Леон однажды, — и даю честное слово, что всего лишь пожелал ей доброго утра. Вот если бы держал ее за ручку или напел бы вокальную партию-другую ей на розовое ушко — тогда да, я бы заслужил самое суровое порицание. Но, Джордж, клянусь тебе...

Однако Джордж был не в силах вымолвить ни слова, потому что давился безудержным смехом.

Тем не менее Леон мог безупречно перевоплотиться и в страстного влюбленного. Как-то раз в Кордове он взялся ухаживать за одной сеньоритой — и три ножевых шрама на правой стороне груди стали свидетельством его несомненного успеха. Что же до

¹ Шетландский пони — один из самых низкорослых представителей пони; вид сформировался на Шетландских островах (север Шотландии).

двоих мужчин, напавших на него, то они оба мертвы, поскольку своими действиями он привлек к себе одного человека, которого разыскивала полиция Испании и Франции.

Однажды весенним утром Леон был особенно словоохотлив, осыпая комплиментами стройную прелестную темноглазую леди, которую встретил в Гайд-парке. Прогуливаясь там, он сразу заметил ее, медленно и в полном одиночестве шествующую мимо. Эта изящная женщина лет тридцати обладала безупречной кожей и глубокими темно-серыми глазами, казавшимися почти черными.

Встреча их была отнюдь не случайной, ибо Леон следил за ее передвижениями на протяжении вот уже нескольких недель.

— Вы посланы в ответ на мои молитвы, прекрасная леди, — сказал он. Еще больше экстравагантности его облику добавляло то, что говорил он по-итальянски.

Она негромко рассмеялась, окинув его быстрым оценивающим взглядом из-под длинных ресниц, после чего жестом показала ему, что он может вновь водрузить на голову шляпу, которую держал в руке.

— Доброе утро, синьор Каррелли, — улыбнулась она и протянула ему маленькую ручку в перчатке.

Наряд дамы выглядел неброско, но чрезвычайно дорого. Единственным украшением была нитка жемчуга на белоснежной шее.

— Я встречаю вас повсюду, — заметила она. — В понедельник вечером вы ужинали в «Карлтоне», перед этим я видела вас в театральной ложе, а вчера в полдень — и вовсе столкнулась с вами!

Леон в ответ одарил ее ослепительной белозубой улыбкой.

— Это правда, блистательная леди, — сказал он, — но почему-то вы не сочли достойным упоминания факт, что я оббежал весь Лондон в поисках того, кто мог бы представить меня. Не снизили вы и до моего отчаяния, когда я, словно раб, безропотно следовал за вами повсюду, любуясь вашей неземной красотой, равно как и не тронули вас мои бессонные ночи...

Все это было продекламировано с пылом влюбленного юнца, и дама слушала его, ничем не выражая неодобрения.

— Можете проводить меня, — произнесла она, словно королева, жалующая своему подданному огромную привилегию.

И они неспешно направились в глубь парка, удаляясь прочь от толпы гуляющей публики. Они беседовали о Риме и охотничьем сезоне, о бегах в Кампанье и приемах принцессы Лейпниц-Савало — Леон, скрупулезно изучая колонки светской хроники в римской прессе, старался запомнить все.

В конце концов они оказались на лужайке, окруженной деревьями и удобными садовыми скамьями. Леон по-прежнему играл роль преданного воздыхателя и, когда они отошли в сторонку, первым прервал молчание.

— Какое счастье остаться наедине с божественной красотой! — восторженно заявил он. — Говорю вам это совершенно искренне, сеньорита...

— Скажите мне лучше вот что, мистер Леон Гонсалес, — прервала его леди и перешла на английский, причем в тоне ее голоса властно зазвучали стальные нотки. — Почему вы преследуете меня?

Если она рассчитывала сбить его с толку, то лишь по той причине, что не знала Леона.

— Потому что вы исключительно опасная особа, мадам Кошкина, — холодно ответил он. — А оттого, что Господь наградил вас губами, созданными для поцелуев, да к тому же изящной фигуркой, вы стали еще опаснее. О, как много молодых атташе чужеземных посольств попали в сети этих прелестей!

Его слова заставили ее рассмеяться и, несомненно, были приятны.

— Вы свое домашнее задание выполнили, — произнесла она. — Нет, мой дорогой Гонсалес, я больше не занимаюсь политикой, мне это наскучило. Бедный Иван остался в России, где трудится в департаменте экономики, пребывая в постоянном страхе из-за своих широко известных либеральных взглядов, а я живу в Лондоне, восхитительно капиталистическом и оттого невероятно ком-

фортабельном! Поверьте мне, Ленинград — неподходящее место для леди!

Перед тем как выйти замуж за блестящего и отважного российского атташе, Айсола Кошкина звалась Айсолой Капреветти. Она была прирожденной революционеркой; теперь же ее мятежный пыл обрел черты фанатизма.

Леон улыбнулся.

— На свете есть и куда худшие места для леди, чем Ленинград. Я был бы чрезвычайно огорчен, моя дорогая Айсола, застав вас за пошивом грубых форменных рубашек в исправительной колонии для особо тяжких преступников в Эйлсбери.

Она смерила его надменным взглядом.

— Вы мне угрожаете, а шантажисты меня утомляют. В Италии мне тоже грозили... всевозможными карами, если я вздумаю появиться не с той стороны Симплонского тоннеля¹. Хотя в действительности я самое безобидное создание на всем белом свете, месье Гонсалес. Вы, разумеется, работаете на правительство, что достойно высочайшего почтения! На которое из них, кстати?

Леон широко улыбнулся, но уже через секунду вновь стал серьезным.

— Итальянские границы практически закрыты после недавнего инцидента, — сказал он. — Вы и ваши друзья причиняете всем поистине огромные неприятности. Естественно, правительство обеспокоено. Никто не желает проснуться однажды утром и обнаружить, что скомпрометирован и какой-то удачливый наемный убийца нагрянул... откуда-нибудь из Англии, скажем так.

Но леди лишь пожала в ответ своими прелестными плечиками.

— Как драматично! И потому за бедной Айсолой Кошкиной обязательно должны следить детективы и вставшие на путь исправления убийцы — я полагаю, вы с вашими драгоценными товарищами уже справились?

¹ Симплонский тоннель — железнодорожный тоннель в Альпах на дороге, связывающей швейцарский город Бриг с итальянским городом Домодоссоло.

Улыбка на худощавом лице Леона Гонсалеса стала шире.

— А если нет, сеньорита, что тогда? Стал бы я сидеть здесь с вами и вести светскую беседу? И разве не могли бы вас однажды утром выловить из Темзы где-нибудь в районе Лаймхауза холодной и липкой, а потом положить на стол в морге, пока коллегия при- сяжных при коронере¹ не вынесла бы вердикт «обнаружена уто- нувшей»?

Он заметил, как кровь отхлынула от ее лица, а в глазах появил- ся страх.

— Вы бы лучше грозили Ивану, — начала было она.

— Я отправлю ему каблограмму², тем более что живет он не в Ленинграде, а в Берлине под фамилией Петерсон — на Мартин Лютерштрассе, номер 904. Ах, насколько было бы проще, если бы мы не встали на путь исправления! Труп в сточной канаве и по- лицейский, обыскивающий карманы жертвы с намерением иден- тифицировать личность...

Женщина поспешно поднялась со скамьи; в лице у нее не было ни кровинки.

— Мне это не интересно, — заявила она и, развернувшись, торопливо зашагала прочь.

Леон не стал следовать за ней. Но через два дня после этой встречи пришло письмо. Многие писали в контору «Благочести- вых», одни — с намерением оскорбить, другие — от нечего де- лать. Между тем время от времени в ворохе утренней корреспонденции удавалось выловить какое-нибудь славное маленькое дельце. Но письмо в обтрепанном, измятом конверте с сальными отпечатками пальцев выглядело вполне достойным той суммы, в которую его оценил почтальон, — оно пришло вообще без мар- ки. На нем значился адрес:

¹ Коронер — в Великобритании, США и некоторых других странах англосак- сонской системы права должностное лицо, в обязанности которого входит установление причин смерти, происшедшей при невыясненных обстоятель- ствах либо внезапно.

² Каблограмма — телеграмма, передаваемая по подводному кабелю.

«Четверо Благочестивых», Керзон-стрит, Мейфэр,
Вест-Энд, Лондон.

Писал человек явно неграмотный, и вот о чем именно:

Уважаемый сэр!

Говорят, вы занимаетесь загадками — что ж, вот для вас очередная. Я был напарником котельщика в Холлингсесе, но теперь не работаю. Однажды в воскресенье меня сфотографировала какая-то иноземная дамочка. Она подошла ко мне с фотоаппаратом и сделала фотоснимок. В парке было полно народу, но она сфотографировала только меня. Потом спросила у меня имя, адрес и еще, не знаю ли я какого-нибудь священника. А когда я ответил, что знаю, она записала имя преподобного Дж. Крюи, а затем сказала, что пришлет мне снимок. Уважаемый сэр, она не прислала мне фото, а попросила присоединиться к организации «Счастливые Путники», чтобы поехать в Швейцарию, Рим и куда-то там еще, причем бесплатно, дескать, потраченное время будет оплачено (десять фунтов) и тому подобное, если все сделаю правильно. В общем, уважаемый сэр, я приготовился, она дала мне десятку, билеты и сказала, что я должен ехать в Девонишир. Не то чтобы я возражал, но вот в чем загвоздка, уважаемый сэр: я только что встретил одного джентльмена из Лидса, которого тоже сфотографировали, он присоединился к «Счастливым Путникам» и теперь направляется в Корнуолл, а та самая леди, которая его сфотографировала, тоже спросила у него, не знает ли он какого-нибудь священника, и записала, как того зовут. И вот что меня волнует: а не связано ли это как-то с религией? Искренне ваш, Т. Барджер.

Джордж Манфред прочел безграмотное и небрежно нацарапанное послание, после чего перебросил его через стол Леону Гонсалесу.

— Разгадай-ка для меня эту загадку, Леон, — сказал он.

Содержание

Соло Эдгара и великолепная четверка..	5
Эдгар Уоллес Вновь втроем.	8
Чарльз Диккенс, Уилки Коллинз, Элизабет Гаскелл, Аделаида Энн Проктер Дом на продажу	176

Літературно-художнє видання

Серія «Великі сищики і великі шахраї»

ВОЛЛЕС Едгар, ДІККЕНС Чарльз, КОЛЛІНЗ Вілкі,
ГАСКЕЛЛ Елізабет, ПРОКТЕР Аделаїда Енн

Злочинці-сищики

Збірка
(російською мовою)

Укладач *Євгенія Рібакова*

Керівник проекту *В. А. Тютюнник*
Відповідальний за випуск *К. В. Озерова*
Редактор *Г. В. Доніна*
Художній редактор *Ю. О. Дзекунова*
Технічний редактор *В. Г. Євлахов*
Коректор *Л. Г. Фадєєва*

Підписано до друку 25.09.2017. Формат 70х100/32.
Друк офсетний. Гарнітура «Literaturna». Ум. друк. арк. 11,61.
Наклад 7000 пр. Зам. № .

Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля»
Св. № ДК65 від 26.05.2000
61140, Харків-140, просп. Гагаріна, 20а
E-mail: cop@bookclub.ua

Віддруковано у ПрАТ «Білоцерківська книжкова фабрика»
09117, м. Біла Церква, вул. Леся Курбаса, 4
впроваджена система управління якістю
згідно з міжнародним стандартом DIN EN ISO 9001:2000

Литературно-художественное издание

Серия «Великие сыщики и великие мошенники»

УОЛЛЕС Эдгар, ДИККЕНС Чарльз, КОЛЛИНЗ Уилки,
ГАСКЕЛЛ Элизабет, ПРОКТЕР Аделаида Энн

Преступники-сыщики

Сборник

Составитель *Евгения Рыбакова*

Руководитель проекта *В. А. Тютюнник*
Ответственный за выпуск *Е. В. Озерова*
Редактор *Г. В. Донина*
Художественный редактор *Ю. А. Дзекунова*
Технический редактор *В. Г. Евлахов*
Корректор *Л. Г. Фадеева*

Подписано в печать 25.09.2017. Формат 70х100/32.
Печать офсетная. Гарнитура «Literaturna». Усл. печ. л. 11,61.
Тираж 7000 экз. Зак. № .

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
Св. № ДК65 от 26.05.2000
61140, Харьков-140, пр. Гагарина, 20а
E-mail: cop@bookclub.ua

Отпечатано в ЧАО «Белоцерковская книжная фабрика»
09117, г. Белая Церковь, ул. Леся Курбаса, 4
внедрена система управления качеством
согласно международному стандарту DIN EN ISO 9001:2000

УКРАИНА

- по телефонам справочной службы
(050) 113-93-93 (МТС); (093)170-03-93 (life)
(067) 332-93-93 (Киевстар); (057) 783-88-88
- на сайте Клуба: **www.bookclub.ua**
- в сети фирменных магазинов см. адреса на сайте Клуба или по QR-коду

Для оптовых клиентов

Харьков

тел./факс +38(057)703-44-57
e-mail: trade@ksd.ua

Киев

тел./факс +38(067)575-27-55
e-mail: kyiv@ksd.ua

Одесса

тел./факс +38(067)572-44-28
e-mail: odessa@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству
авторов**

e-mail: publish@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству художников,
переводчиков, редакторов**

e-mail: editor@ksd.ua

Леон Гонсалес, Джордж Манфред, Раймонд Пуаккар заслужили на звання Трьох Благочестивих — вони домагаються відновлення закону й справедливості. І звичайно, у Трьох Благочестивих ворогів не менше, ніж друзів: свого часу трійця була злочинним співтовариством, а за їхні голови пропонували винагороду. Однак тепер їм немає рівних у розшуку найрозумніших злочинців... («Знову втрьох»)

Леді Сара за порадою свого лікаря змінити клімат переїжджає до нового будинку, вікна якого виходять на загадковий Будинок-на-продаж. Невдовзі Сара починає по-боюватися цього Будинку: в одному з вікон порожньої будівлі є око, що стежить за нею... Сара змушена вдатися до власного розслідування. («Будинок на продаж»)

Уоллес Э.

У63 Преступники-сыщики : сборник / Эдгар Уоллес, Чарльз Диккенс, Уилки Коллинз, Элизабет Гаскелл, Аделаида Энн Проктер ; пер. с англ. А. Михайлова, К. Беляева ; сост. Е. Рыбакова ; предисл. А. Климова. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2018. — 288 с. — (Серия «Великие сыщики и великие мошенники», ISBN 978-617-12-2533-6)

ISBN 978-617-12-4107-7

Леон Гонсалес, Джордж Манфред, Раймонд Пуаккар заслужили звание Трех Благочестивых — они добиваются восстановления закона и справедливости. И конечно, у Трех Благочестивых врагов не меньше, чем друзей: в свое время троица была преступным сообществом, а за их головы предлагалось вознаграждение. Однако теперь им нет равных в сыске самых изощренных преступников... («Вновь втроем»)

Леди Сара, следуя совету своего доктора сменить климат, переезжает в новый дом, окна которого выходят на загадочный Дом-на-продажу. Очень скоро Сара начинает опасаться этого Дома: в одном из окон пустующего здания есть глаз, который следит за ней... Сара вынуждена прибегнуть к собственному расследованию. («Дом на продажу»)

УДК 821.111(73)

ББК 84(7США)